

ГНЕВ

«Гнев есть началом безумия».

Цицерон

Давно это было. Жила-была семья в радости и согласии. И росли там два брата: старший Умник и младший Озорник. Их матушка дохаживала последние дни, готова сорванцам в подарок сестренку Надежду, когда случилось непоправимое. Каждому свой срок отмерен: кому — ухода, а кому — прихода. Мать не успела даже на дите полюбоваться, как душа ее отлетела. Горе обрушилось на семью, пробуя каждого на крепость.

Удар для отца. Но нажитая долгими годами мудрость облегчила потерю философским пониманием бренности существования. Да и обязательства за детей не оставляли места унынию, хотя и укрепляли в жестокосердии.

Потрясение для старшего брата, который впервые узрел и понял скоротечность жизни, неумолимость смерти, забирающей самого дорогого человека.

Эмоциональный шок у младшего брата, оказавшегося в плену у негодования, которое словно окатывало кипятком несправедливости. Жизнь вдруг отобрала «незыблемое», ценное, ушла почва из-под ног, а в душе, решившей, что весь мир ополчился против, закипела на всех злость. А нового члена семьи, не одарившего ожидаемой надеждой, приняли как Обиду.

Жизнь продолжалась. Глава семьи еще больше, по уши, погрузился в заботы. Умник совсем в себя ушел, так что даже брата в свой внутренний мир не допускал, забаррикадировавшись возвращаемым эгоизмом. А Озорник люто на все и на

всех обиделся. Особенно рассердился на судьбу, так как уже не чувствовал себя в безопасности без матери, впервые ощутив страх за свое существование. Ведь он остался без материнской любви, которая прежде нежно снимала с него дрожание одежды опасений и эгоизма. Упреки к Создателю все более превращались в претензии к его Промыслу и разрастались в неуважительное отношение. Гнев рос в бунтаре, заполняя его, вытесняя доброту и радость, которые мать с любовью вложила. И очень скоро забылось его прежнее имя, уже не отражавшее сути, поменявшись на новое — Гнев. Бешенство, возмущение, вспыльчивость, раздражение, ярость и злопамятность стали окружением в сиротстве. Дальше — больше. Когда пришла пора чувственных ожиданий, он временами еще маскировал агрессию в надежде получить энергию любви. Когда ожидания не оправдывались, Гнев загорался, словно спичка, или вдруг в нем оживал вулкан. Темперамент характера не мог служить оправданием, всегда готовый неистово вырваться наружу, заливая все вокруг лавой негатива и пеплом разрушения. Страстный спорщик, злопамятный, жаждущий отмщения — он слышал только свое ущемленное эго, потому самомнение, самолюбие, завышенная самооценка были частыми причинами обидчивости Гнева. Легко быть спокойным и снисходительным, когда тебя все хвалят. Малейшее же замечание сразу обнажает нутро. Временами Гнев был словно одержим бесами. Стал губить отношения, судьбы близких, а потом и тех, кто попадался навстречу. В иные моменты вдруг осознавал, что его куда-то несет, но остановиться уже не мог.

Родные давно сторонились его от греха подальше, уж больно злостью переполнен. Только сестренка Обида за него цеплялась и боялась далеко отходить. Так и стали они самыми близкими на всем белом свете. Вот только у Гнева было

всегда слишком горячее дыхание, распирал его жар внутренних, да так, что Обида рядом тоже распалась. Все зло его было в неумной и неконтролируемой силе — энергии разрушения и саморазрушения. Ах, как бы гасило охлаждающее действие Души, которая помогала бы Гневу разумно и взвешенно воспринимать его такую эмоционально-чувственную природу. Но от нее, как и ото всего другого, зорко и хищно стерегли его Злоба, Враждебность и Ярость, не оставляя одного без присмотра ни на секунду. Они без спроса поселились у него, окрутили своими чарами недовольства, страха, нетерпимости, раздражения, вины и даже стыда, и каждая старалась взять верх над соперницами. Когда Гнев охватывала Враждебность, он мог накричать, огрызнуться на домашних, возвести хулу на Создателя. Когда же побеждала Злоба, она проникала в его сердце. Тогда оба изнывали от безмерного самолюбия. Он заметно глупел, слышать ничего не хотел и злопамятно выжидал случаи для мщения. А вот когда им овладевала Ярость, это переходило в неконтролируемое бешенство, иступление.

И такое зло от этих эмоций по сию пору...

Весна. Отрок

Весеннее солнце заглянуло в окна большого красивого особняка в поисках своего любимчика — рыжеволосого, осыпанного солнечными конопутками Мальчика. Вчера он отмечал свой десятый день рождения с компанией таких же сорванцов из округа.

На клумбах возле дома еще валяются хлопущки и мишура конфетти, брошенные мячи и ракетки, баллончики с мыльными пузырями и водяные пистолеты. Не убраны гирлянды

разноцветных флажков, которыми оплетены уже готовые выстрелить нежными белыми бутонами магнолии и цветущие вишни. Ветерок увлеченно играет с оставшимися, не лопнувшими воздушными шарами, привязанными к перилам веранды. Только в доме как-то сумрачно и подозрительная напряженная тишина. Даже привычной музыки по радио не слышно. С веранды запахнута дверь в кухню, еще заставленную следами торжества.

Заскрипела лестница. Послышались шаги. Хмурая молодая женщина прошла к столу, наполнила стакан водой и вдруг со всего размаху влепила его в стену. Звон стекла словно выстрел заставил всех обитателей дома вздрогнуть, привлек внимание, но не желание узнать в чем там дело. Им нетрудно было догадаться, что это хозяйка реагирует на свою головную боль. Последние месяцы заметно чаще ее раздражало буквально все вокруг: погода, сводки в новостях, свекровь, муж, родители, собственные и чужие дети и много чего еще.

Именно раздражение, нетерпимость, противоречивые желания, накопленные обиды скрывались за привычной мигренью, а потом приводили к вспышкам злости, срывам на самых близких. Переход от злости к злобе у нее не поддавался контролю. А уже после срыва, наказания сына сама от себя была в шоке и ужасе. Какой там прок от таблеток, которые глотала горстями? Отчего она злилась на сына, отчетливо понимая его полную детскую беззащитность? Поводов-то найдется куча, а на самом деле срывала свои негативные эмоции, которые были направлены вовсе не на него. Просто малыш невольно становился громоотводом.

Злость на ребенка — это злость на его отца, давно переставшего видеть в ней желанную женщину. Откуп подарками, деньгами не мог скрасить время отсутствия мужа рядом.

Будучи страстной женщиной, она просто жаждала овладеть мужчиной, пусть даже физически его унижая. Сама не понимала: почему так. Но примером были взаимоотношения родителей, характер и диктат матери. Родовая непомерная гордыня не оставляла ей выбора. Она неосознанно ненавидела мужчину как такового за унижительное желание близости с ним. Достоянная дочь Лилит, считавшая мужчин только средством удовлетворения от похоти до любых фантазий. И судьба как в насмешку или наказание дала ей вместо желанной дочки сына. Как тут не пребывать в гневливости...

Седовласая женщина, осторожно обходя раскиданную мебель и вещи, прошла по коридору к комнате внука. Войдя, увидела его лежащим на не разобранной с вечера кровати, отвернувшимся от двери. Ласковая рука бабушки нащупала горячий лоб, пересохшие губы и словно поцарапалась об гримасу на лице.

— Как ты, родной?

Внук не ответил. Даже когда бабушкина слеза капнула на его щеку, только прикрылся рукой. Мальчику вдруг стало понятно, почему рассерженные люди становятся пиратами с черной повязкой на глазу. Ведь когда обижен на этот мир, то лучше смотреть на него одним глазом и видеть только половину. Так немного легче.

— Родной мой, мы все тебя очень любим. Знай об этом. Даже когда случается такое, как вчера. — Молчание заставило ее продолжать. — Ты уже достаточно большой, чтобы понимать, что в жизни происходят вещи и совсем неприятные. Просто нужно уметь переждать... плохое. Плохое всегда должно оставаться снаружи. Нельзя пускать его внутрь. Иначе оно уже не уйдет.

— Я ненавижу ее! — сказал мальчик таким бесцветным голосом, что у расстроенной женщины сжалось сердце. — Она злая! — глухо повторил, заикаясь.

Вспышки раздражительности у матери повторялись достаточно часто, сколько ребенок помнил себя. Всегда ощущал от нее какую-то непонятную угрозу. Даже затруднился бы сказать, какой мать помнит больше: радостной или озлобленной, ее смеющиеся глаза или огромный кричащий рот.

— Ты только не спеши со словами необдуманными, — утешала бабушка, а сама не знала, что тут сказать. Ведь если у самой остался пекущий горький осадок от вчерашней жуткой сцены, мучавший кошмаром всю ночь, то что сказать о ребенке? — Родной, попробуй не думать о случившемся, отвлекись. Давай чем-нибудь займемся. Чтобы ты хотел? — Ох, как бы хотелось ей стереть из памяти, как ластиком с листа, вчерашние события. Как объяснить ребенку поступки взрослых, которые у самой в голове не укладывались, когда даже сейчас при воспоминании начинало трясти?

Гости уже разошлись, давая и хозяевам возможность отдохнуть, расслабиться после насыщенного приятными эмоциями дня.

— Убери свои подарки к себе в комнату! — голос матери прозвучал как шелканье кнутом. Она обладала властным характером и не терпела никаких возражений.

— Ну, мам, еще немного... закончу собирать конструктор — тогда...

— Ты слышал, что мать сказала? — И уже обращаясь к мужу: — Скажи ему хоть ты!

— Да пусть закончит, — потрепал его вихор отец, как бы и сидящий тут рядом с ним на диване, но отсутствующий, где-то в своих мыслях.

— Ты всегда хочешь быть лучше меня! И делаешь все в пику мне, назло. В конце концов, я что-нибудь значу в этом доме?

— Не заводись, остынь дорогая... — начал было отец и тут же увернулся от брошенной в него книги. — Ты что творишь? Постеснялась бы!

— Кого? Я у себя дома! — с грохотом отлетел стул.

Бабушка, сдерживая сердцебиение, намеревалась было покинуть комнату, но ее опередил сын:

— Как же меня это все достало! — добавил он эмоцию озлобленности, со всей силы хлопнув дверью.

Ребенок втянул голову в плечи. В который раз он становился свидетелем подобных сцен-разборок, истерики матери. При настаивании на своей воле рождается гнев.

— Я кому сказала — хватит?! — вдруг нависла над ним мать и ударом вышибла из его рук уже почти собранную машинку, теперь рассыпавшуюся на блоки. В ярости она наступила на хрустнувшие детали конструктора.

Изливаемый гнев плодит зло.

Мальчик кинулся собирать, спасти рассыпавшиеся части машинки. Мать вихрем пронеслась на кухню. Загремела посуда, что-то стукнуло... чертыханье... брань...

Тут уж свекровь поспешила следом. Послышались сердитые голоса, увещевания.

Слезы обиды застилали глаза ребенка, а ответные злые слова застревали комком в горле, перекрывая воздух. Все чаще в подобные минуты ему становилось тяжело дышать, все плыло и темнело в глазах.

— Что вы вмешиваетесь в нашу жизнь?! Могли бы и убраться как ваш ненаглядный сын... которому вообще дела до меня нет... пропадает где угодно, только не дома... и неизвестно с кем...

— А ты дома-то покой ему дай. Ведь после работы и отдохнуть нужно! Ты посмотри, сколько он работает для вас. Кто для вас все это зарабатывает? Ты же меры деньгам не знаешь!

— А мне не надо отдыхать? Я что — домработница? Или я не помогаю ему, когда он зашивается? Тварь неблагодарная! Совсем не мужик! Убить его готова! Небошь, как по бабам, так в аллюр!.. Мне что не надо? Другого искать? За что мне такое?

— Думай, что говоришь! Ребенок услышит! Не накручивай себя!

— Пусть слышит. Он такой же. Все они — гады одинаковые! — продолжала биться в истерике женщина.

— Мама, мама, не надо так! Папа тебя любит, он хороший! — нервно закричал подошедший мальчик, глотая слезы.

— Да, вы все хорошие, одна я плохая, стерва... да?! Как все это бесит меня! — прохрипела, опускаясь на стул. Тут она увидела свои побелевшие пальцы, сжимавшие судорожно графин. Другой рукой вдруг схватилась за сердце. Сын, напуганный ее осипшим голосом, придвинулся к матери, осторожно потянул из руки графин...

— Мама, дай налью тебе воды.

Графин со свистом влетел в косяк двери, чудом не разбился, только пролив воду. Это взбесило скандалистку еще больше. Испуганно вцепившегося в стул ребенка женщина оторвала и со всей силы ударила об стену.

Боль... страх... обида... злость... ненависть — разом полыхнули из глаз мальчика.

Коршуном налетела бабушка, загоразивая и поднимая внука, прижимая к себе и нашептывая нежные ласковые слова.

— Слава богу! Цел! Солнышко мое! Тише-тише, родной!

Не поранился? Все хорошо. Только ссадины, — бабушка уводила внука подальше от обезумевшей женщины.

Отец на шум не появился, видно, и вправду, послав все к чертям, поспешил подальше из опостылевшего дома. Ему, конечно, было жалко сына, но еще раз взглянуть на эту потевшую облик матери фурию не захотел. Он давно подмечал у ребенка шишки, синяки, ссадины, но отшучивался и подбадривал: мужчину шрамы украшают! А когда пару раз увидел ее затрещины сыну, то после состоявшегося неприятного разговора надолго уехал в подвернувшуюся командировку. Потом отлучки — бегство от скандалов стали чаще.

«Эта гневливая стерва держит в постоянном напряжении и просто разрушает отношения. И что ему остается — либо превратиться в тряпку, либо иногда проявлять гнев, одно из двух», — и мужчина чувствует, как злость на жену начинает укореняться в нем. Уже давно не осталось никакого интереса к ней, как к женщине. Все реже в памяти все хорошее общее, что было, что связывало их.

И невдомек было мужчине, что жена хотела в отношениях большего счастья. А привязанность к счастью без заботы о другом рождает необузданное вожделение. И тогда человек гневается на того, кто препятствует его намерению и желанию. Как гнев, так и злоба, рождается от безмерного самолюбия. А потом уже рушатся отношения, а значит — и сильная неудовлетворенность, обида на судьбу, разочарование в жизни, агрессивность. Гнев становится основой такой жизни — вот в чем беда. Абсолютно безысходная ситуация.

Большая ошибка мужчин, когда они разгневающимся женщинам пытаются доказать что-то с помощью логики. А женщинам нужно сочувствие, тепло, и придумывание причин их только раздражает. В супружеских размолвках достаточно

просто обнять и поцеловать, и женщина успокаивается, гнев проходит. Но кто о таком думает в раздражении?!

И вот теперь глядя на внука, бабушка мучительно подыскивала слова, которые могли бы успокоить его, вернуть прежнюю картину не расколотого детского мира. Ни осуждать мать, ни выгораживать или оправдывать — не получалось, потому что в голове не укладывалось, как в общем-то неплохая, любящая мать может такое сотворить.

Да, невестка бывает неводержанна в эмоциях, подвержена депрессиям, мнительности. А так ведь — умница, красавица, образованная, перфекционистка, любящая жена. Но почему вдруг на нее накатывает такая необъяснимая ненависть к мужу, к сыну? Чтобы ребенка стукнуть об стену — такое пожившая, воспитавшая троих детей женщина увидела впервые. «Может, она больна? Истерит? — сокрушалась свекровь. — Что приводит ее к таким срывам, к бешенству? Или какие-то проблемы из детства, опыт конфликтных отношений? Депрессии? Знает ли, что для женщины является большим грехом — гневаться на мужа, постоянно находиться по отношению к нему в обиженном, раздраженном состоянии. Это губит семью».

А семена гнева могли быть посеяны в детстве. И если человек рос в атмосфере гнева и злобы, то и во взрослой жизни он, скорее всего, будет гневливым, злым, раздражительным.

Бабушка давно ушла, а Мальчик все обдумывал случившееся, задаваясь вопросом, почему в их семье злость стала привычной. Сам он давно понял: добиваться желаемого можно криком, вредностью, гневом, протестом. Гнев матери, ставший повседневным, подорвал его веру в безопасность окружающего мира, заставил усомниться в себе: что-то в нем не

так, если его не любит мать. Ребенок ведь еще не научился понимать причины поведения взрослых. У него же в памяти их громкие сердитые слова и действия, от которых портится настроение и ему обидно и плохо. Чем чаще выплескивались гневные эмоции матери, приводя ее к психозу, тем больше возникали у ребенка внутри ответные эмоции озлобленности, отдавая его во власть невроза. Стресс, который он пережил, вызвал страх, обиду и гнев на мать, оставив рубцы на душе на всю жизнь. Злиться начинал он уже не только на мать, друзей, учителей, но и на весь мир, на Бога, который допускает такую несправедливость, на самого себя. И стал таить обиды. Судьбой его рода уготовано было отроку не избежать самого гнетущего и безжалостного гнева, который направлен на своих близких и любимых людей.

Лето. Спустя 20 лет

Лето было не жарче, чем обычно. Но в этом запертом пространстве два на три метра узнику казалось, что он находится у открытой печи мартена. Кипевшее в нем возбуждение, похоже, еще дополнительно подогрело воздух камеры. Струйка теплой воды из крана в углу у входной двери разве что только по цвету не напоминала заваренный чай.

Сколько часов прошло, как он здесь, мужчина не помнил. Саднила разбитая губа, запястья рук продолжало ломить, хотя наручники давно сняли. Никак не получалось размять плечи, чувствовал себя словно в стальном корсете. Постепенно спадало тупое оцепенение, сменяясь болевыми ощущениями во всем теле, которое было хорошенько помято, да что там — побито. Как только прикрывал глаза, вновь вспыхивало ослепительное пламя. А уши закладывало от истошного крика

боли и ужаса. В голове не укладывалось, как он мог сотворить такое...

Кто управлял им, его мозгом, его руками, его телом? Кто вселился в него, вытравив все, что было прежде? В мозгу маленький ребенок метался в запертой комнате. Попадал он туда в минуты отчаяния от непонимания поступков взрослых, от плескавшей вдогонку злости. Поджидавшие его там монстры отовсюду тянули к нему тысячи рук, дразня, увлекая, помогая рождению в нем ответного гнева, провоцировали вспышки его собственной агрессии, будили необычные эмоции, от которых хотелось впасть в это состояние снова и снова.

Кайф гнева — это желание пережить необычное, возбужденное состояние и, освобождаясь от негативной энергии, быстро скинуть на кого-то более слабого, испытывая расслабление после долгого напряжения. Кто-то становится экстремалом — дразнит крокодилов, провоцирует терпение акул в бассейне, прыгает на лонжах с мостов, ходит по тросу над ущельем или играет в русскую рулетку — лишь бы ощутить наслаждение, вкусив адреналина. Но по сути то же самое можно пережить, испытав приступ гнева. Вот только потраченную энергию непременно требовалось восполнять как-то.

Курение травки туманило мозги, но не давало силы. Палочкой-выручалочкой оказался алкоголь, правда, воздействием на мозг дорого брал за приобретение раскованности, внутренней свободы. Так и случилось, что страхи, неврозы сопровождали детство-отрочество, депрессивные состояния — юность, а уже все дальнейшее — под патронажем алкогольного психоза.

Полуденная жара спала. Можно было уже полить из шланга террасу и кирпичные дорожки двора. На кухне шла полным ходом работа. Разносились аппетитные запахи печеных лепешек и жаренного в приправах мяса. Слышались приглушенные голоса женщин. Это Арес настоял праздновать десятилетие дочери. Ради такого события пришли помогать готовить застолье и сестренка с матерью, общение с которой он всегда сознательно ограничивал.

Именинница крутилась, пританцовывая, возле магнитофона, меняя одну за другой кассеты, обрывая музыку, не дожидаясь конца песен. Она как-то не ощущала, что это ее праздник, потому что в основном собирались взрослые: соседи, родственники, друзья родителей, а с ними дети — вовсе не ее ровесники.

Стали подтягиваться гости. Поздравления, подарки и малоинтересные для девочки взрослые разговоры. Родители тоже получали подарки — что-то вкусное к столу, бывшие тогда в дефиците горячительные напитки. Дочь покосилась в сторону отца, возбужденно переставлявшего бутылки с места на место по столу, стулья к которому пришлось спешно подзаять у соседей. К началу застолья отец именинницы был уже заметно навеселе, громко шутил, перебивал говорящих тосты, пытался не всегда удачными шутками завладеть всеобщим вниманием. Поймав укор в глазах жены, смачно поцеловал игривую соседку и потащил ее танцевать.

Постепенно градус общего настроения поднимался. Жена со свояченицей разносили новые горячие блюда, когда отец подловил проходящую мимо жену с подносом и задорно шлепнул по заду. Пунцовая от стыда она поспешила скрыться в доме. Потом отец начал было что-то выяснять со своей матерью, но та, уловив нарастающие нотки злости, быстро

переключилась на разговор с внучкой. Язык, разгоряченный напитками, уже не держался на привязи и нес чепуху, задира, раздраженно обрывал собеседников. Гости потихоньку стали уходить, почти по-английски, не прощаясь. Жена попробовала заменить бутылку с водкой на минералку, но он гневно отобрал, стукнув бутылкой об стол так, что посуда подпрыгнула. Заторопились и остававшиеся гости, хотя время было еще не позднее. Накапливаемое раздражение Хозяин все чаще запивал следующими порциями алкоголя. Вот и последний собутыльник, сдавшись, перешел на чай, отказавшись от предложенной рюмки. Когда жена и Аресу молчаливо пододвинула чашку для чая, ее осуждающая покорность так задела его, что он швырнул чайник через стол. Звон разбитой посуды смешался с шагами гостей, торопливо покидающих дом.

Мать Ареса и его сестра притихли, стали тоже собираться, хотя прежде намеревались остаться переночевать. Брат пробовал его урезонить. Младший будет учить старшего? Грохнул табурет об пол. На шум выскочила жена. Увидел блестящие от слез испуганные глаза жены — вспомнил блеск ее глаз, некогда приводящий его в трепет. Как они тогда от любования им светились. Грубо схватив ее за локоть, потащил в дом. Она споткнулась на пороге, но он пинком погнал ее дальше и распаленный внезапно накатившим желанием, потащил к дивану. Женщина пыталась ласково увещевать его, краснея перед дочкой и свекровью, хотевших было помочь ей. Делала им поспешные знаки скрыться, когда муж стал срывать с себя одежду.

Гнев сильнее всякого вина ударил Аресу в мозг, производя в нем бурю и неукротимое волнение. Ум помрачался, крылья носа трепетали, голос сделался хриплым, глаза наполни-

лись кровью. И когда пахнул перегаром ей в лицо, увидел, как оно исказилось произвольной судорогой отвращения. Это видно стало последней каплей для разгоряченного мозга. Самолюбие, ущемленное ее молчаливым неприятием его действий, разглагольствований, образа жизни, друзей-собутельников, жизненных ценностей, вдруг выбило какой-то неведомый клапан — и ярость выплеснула наружу. Арес кинулся на нее с кулаками, но вырвавшись, она выбежала из комнаты.

Сумерки прохладного вечера укрывали и остужали полыхающее лицо. Обида, возражения, которые жена не могла высказать, переполняли ее. О, нет ярости страшнее, чем молчание в обиде! Обида злопамятна, как кислота разъедает душу и направлена на саму себя. Но обиды, как цемент, замуровывают кирпичи одиночества в разделяющей стене отчуждения и отчаяния.

Долгие годы женщина вытесняла свои насущные нужды в угоду сохранения видимости внешнего благополучия. Будучи трезвым, Арес был хорошим семьянином, совершенно другим человеком: заботливым, внимательным, любящим, хозяйственным. Но такое случалось все реже. И с его болезнью она не могла ничего поделать, злилась и считала несправедливой свою судьбу. Накапливалось недовольство, зарождался гнев, который не находя выхода, разрушает человека изнутри. Как бы ей хотелось изменить ситуацию или мужа, пьянство которого все более доставляло неприятности, стоило нервов, бессонных ночей, слез. Но что можно было сделать? Люди не в состоянии менять людей, человека может изменить только Бог и только, если сам человек сделает на встречу этому шаг.

Ей оставалось только молиться за обидчика и за очищение души и сердца от ненависти, злобы, обиды, но этого-то и не получалось. Повторяемые подпитываемые гневные мысли работали уже как мантра, которая со временем и привлекает энергию, потом управляющую всей жизнью человека. Гнев, который подспудно нарастал в ней долгие годы, разрушая легкие, обгладывая печень, расшатывая нервы, толкнул ее на грех — вырвался в страшном проклятии такой постылой жизни. И не успела она до конца осознать греховность своих слов, как муж следом окатил ее бензином из канистры, которая словно на беду оказалась не в гараже.

Психика человека — сложный механизм. И когда в ярости случается состояние аффекта, сознание человека частично или полностью отключается, и его действиями далее управляют подсознательные механизмы. Человек как бы теряет контакт с реальностью и уже не способен контролировать поведение. Именно тогда он может совершить поступки, которые никогда бы не совершил, будучи в здравом уме и ясной памяти. Гнев лишает его разума. Одержимый бесом гнева способен поднять руку даже на самых близких ему людей.

Следствие долго еще потом будет ломать голову, откуда взялся огонь, кто чиркнул зажигалкой или спичкой. Отсутствие этой улики сказалось на приговоре суда: двадцать лет заключения вместо смертной казни.

Факел взметнулся в синее вечернее небо с жутким криком несчастной, воплями дочери и свидетелей расправы. Секунду, казавшуюся вечностью, Арес смотрел на огонь с ощущением, как будто он сам его извергнул. Хотел было метнуться что-нибудь накинуть на живой факел, но, не чувствуя ног, сполз на землю. Также не чувствовал ни как заламывали ему руки, связывали и били его.

Что можно было видеть в ярком пламени? Но Арес видел полные муки и слез глаза незаслуженно обиженного ребенка. И это ослепительное пламя вспыхивало, едва только он прикрывал глаза. И уши закладывало от истошного крика боли и ужаса. И в голове не укладывалось, как он мог сотворить такое...

Осень. Еще 20 лет спустя

Последние дни промозглой осени. Где-то, наверное, и это время года красиво, а здесь — свинцовое низкое небо, постоянная слякоть и едва различимые в тумане сопки терриконов. Выходные дни бывают и на зоне. Это дни свободные от обязательного труда, но не свободные от неискупленного чувства вины за содеянное. За два десятка лет Арес научился проживать каждый день с благодарностью, что бы тот ни приносил.

Скоро ему предстоит встреча. Главная встреча в его жизни. Он ждет ее с таким же нетерпением, как когда-то в детстве желанный рождественский подарок. Собственно, это и будет самый невероятный подарок к Рождеству. У него будет свидание с дочерью. С той, о которой он давно ничего не знал и не слышал. Последний раз видел ее затуманенным алкоголем взором. А в ушах — ее визг. В общем хоре голосов было много других, но ее дискант он запомнил накрепко. В эти двадцать лет он много раз просыпался в холодном поту, вспоминая снова и снова полыхающий живой факел.

После осуждения через несколько лет из письма сестры узнал, что девочку забрала теща и увезла ее из страны. С единственным требованием — никакого контакта с бывшими родственниками.

«Сколько же ей лет-то теперь?» — подумал Арес. — «Тогда было десять, сейчас, стало быть, тридцать», — столько, сколько ему было в тот непоправимый день. Неужели она простит его, если вдруг решила увидеться с отцом.

Как он желал тогда скорой смерти, казни. Ему казалось, что после того, что сделал, земля не будет носить его. Но получил срок и уже почти два десятка лет половину времени проводит в самом нутре земли, как крот. Зрение стало хуже, зато в себе самом все стало видеться четче и яснее. Скучный внешний мир отступил, когда научился заглядывать в мир внутренний, непознаваемый до конца, как космос. Здесь он вновь обрел веру в Спасителя, без которой прожил больше половины своей жизни, с того момента, когда бросил вызов Богу — почему забрал доброго отца, а оставил злобную мать. Теперь Арес без страха может листать страницы своей жизни, отыскивая все новые и новые ошибки, чтобы осмыслить их, исправить насколько это возможно. Переживать их заново порой невыносимо трудно, словно все его существо погружается в лаву страданий. Абсолютно реальные ощущения тошноты и дикой горечи, ни с чем несравнимых сосаний под ложечкой.

Вот только за эти годы ему ни разу не удалось вспомнить лица жены ни наяву, ни во сне. Только смутный облик. И это тисками сжимало его сердце. Что же, если дочь захочет его выслушать, даст ему такой шанс, он раскроется перед ней в своем покаянии. Как все же успела раскаяться и его мать, о чем он также узнал из письма сестры. Нужно остановить этот запущенный в их роду механизм зла — гнев. Ведь он является мощной злобой и так расстраивает духовные силы человека, что приводит его истерзанную душу к полному опустошению.

Безусловно, большинство причин, приводящих к гневу — это недовольство самим собой, и оно родом из детства. Именно от недолюбленности в детстве и растут ноги большинства взрослых проблем. Если человек легко выходит из себя, то потому, что растущее в нем семя гнева поливали долгие годы. И кто как не он сам разрешал поливать.

Страсть гнева особенно губительна тем, что сама собой открывает в душе вход дьяволу. Человек, одержимый гневом, не в состоянии бывает удержать себя от греха и преступления. И вина в том его родителей, жестоко обращавшихся с ним. Недаром мудрые люди говорят: гневливость — часто порождение наследственности, а чтобы понять причины гнева человека полезно посмотреть на его мать.

Любые внешние обстоятельства Господь посылает для нашего внутреннего исцеления. Теперь Арес понял это. Можно одержать верх над гневом, можно и нужно. Самое главное — не дать ему превратиться из маленькой эмоции раздражения в гневливого монстра, вскармливаемого гордыней и ущемленным эгоизмом. Ведь успеть обуздать злость — значит, уберечь душу от разрушения. Когда обретаешь веру — обретаешь и понимание. И Арес верит, что как только увидит дочь, сразу вспомнит лицо жены, любовь в ее глазах, которую прежде мешал видеть сжигающий нутро гнев. Это будет прощением — самым чудесным рождественским подарком в его жизни.